

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

М. И. Гольман

РУССКИЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ
В СЕРЕДИНЕ 50-х — 80-е ГОДЫ XVII века

Середина 50-х — 80-е годы XVII в. знаменуют собой в истории Монголии период, непосредственно предшествовавший установлению более чем 200-летнего иноземного ига, и потому заслуживают специального изучения.

Известно, что уже 1655 год стал «переломным» в отношениях Халха-Монголии с Цинами [Горохова, 1980, с. 17]. В том году, под нажимом маньчжуров и под угрозой их прямого военного вторжения, в Пекин в качестве заложников впервые были отправлены сыновья и братья крупнейших халхаских феодалов, последние изъявили желание платить дань «девять белых» и выполнять другие требования маньчжуров [Ермаченко, 1974, с. 87]. Начавшийся таким образом процесс постепенного превращения халхаских князей в вассалов маньчжурского императора из-за агрессивной политики Цинов, изнурительной междоусобной борьбы вокруг наследства Дзасакут-хана Норбо (1651—1661), сокрушительного поражения халхасцев в войне с главой Джунгарского ханства Галданом Бошокту-ханом (1671—1697) в 1688 г. и по другим причинам завершился капитуляцией феодальной верхушки Халхи перед Цинами и оформлением ее подданства Цинской империи на Долоннорском сейме в 1691 г. В итоге Халха-Монголия потеряла независимость, а вместе с ней и возможность самостоятельно поддерживать с Россией отношения, которые на протяжении почти всего XVII века объективно служили известным противодействием маньчжурской экспансии.

Разрыв официальных отношений с Халхой сопровождался прекращением многолетних связей России с государством Алтын-ханов в Западной Монголии, ибо в 70-е годы XVII в. оно сошло с исторической арены [Шастина, 1949, с. 391]. Единственным независимым монгольским государством, которое в течение еще более полувека сохраняло межгосударственные отношения с Россией, оставалось Джунгарское ханство (1635—1758).

Вместе с тем с заключением Нерчинского договора в 1689 г. в международных отношениях в регионе открылась новая глава — история непосредственных договорных отношений между Россией и Китаем.

Таков был внешнеполитический фон развития Монголии в середине 50-х — 80-е годы XVII в.

Внутриполитическая обстановка в Монголии в рассматриваемый период характеризовалась крайней неустойчивостью, нестабильностью, бесконечными раздорами внутри и между правящими феодальными домами и неудачными попытками их преодоления, например на Хулун-Билчерском сейме 1686 г., феодальной междоусобицей и т. п. Незыблемыми продолжали оставаться и даже получили дальнейшее развитие основные устои феодального строя: монопольная феодальная собственность на средства производства; наследственные права феодалов на единоличное управление своими уделами и подданными, регулировку перекочетов и распоряжение пастбищными угодьями, суд и расправу; крепостная зависимость аратства, отработочная и продуктовая ренты как формы феодальной эксплуатации, полное господство натурального хозяйства и кочевого скотоводства в экономике и религии в идеологии. Характерным для этого периода являлось неуклонное укрепление роли и могущества ламаистской церкви, ее постепенное превращение в крупнейшего собственника земли и скота, широкое строительство монастырей и появление монастырского ремесла и промыслов, активное участие лам в политической жизни страны [Пүрэвжав, 1978, с. 53—54].

Однако установление маньчжурского господства, оккупация страны иностранными войсками и ее превращение в плацдарм борьбы с Джунгарским ханством, в резервуар людских, продовольственных и прочих ресурсов для цинской армии привели к разорению монгольской экономики и послужили отправным моментом к упадку и постепенному загниванию монгольского «кочевого феодализма, который до этого, в XV—XVII вв., на основе самобытных институтов и структур развивался по восходящей линии, переживал период „расцвета“» [Нацагдорж, 1978, с. 133].

Таким образом, середина 50-х — 80-е годы были существенным рубежом в многовековой истории монгольского народа и оказали глубокое воздействие на его дальнейшие исторические судьбы, и в том числе на развитие русско-монгольских отношений.

Тем большее значение наряду с другими источниками для изучения бурных событий указанного 35-летия, как и вообще истории Монголии в XVII в., имеют богатейшие собрания русских архивных материалов, имеющихся в СССР.

Только фонды Посольского приказа — дела Мунгальские, Зюнгорские, Калмыцкие и др., столбцы Сибирского приказа, фонды приказных изб сибирских городов в ЦГАДА в Москве и т. п., «Портфели Миллера» в ААН в Ленинграде составляют тысячи единиц хранения. Ценность этих документов состоит прежде всего в том, что они являются чуть ли не единственными полноценными источниками, рисующими всю полноту кар-

тины развития политических, экономических и культурных связей России с ханствами Халхи и Джунгарии с 1606 г. и почти до конца XVII столетия.

Ни монгольские феодальные хроники XVII—XIX вв. («Эрдэнийн Эрихэ», «Алтан тобчи», «Шара туджи», «Эрдэнийн тобчи», «Болор толь»), ни китайские исторические сочинения (династийные хроники), ни «Мэнгу ю му цзи», ни дневники Ма-сы-ха и др. такой картины не дают и дать не могут, ибо содержат весьма отрывочные и малозначительные сведения об отношениях монголов и русских. Кроме того, русские документы сообщают также интересные сведения о многих сторонах внутренней жизни монголов XVII в., их социально-этническом и политическом строе, нравах и обычаях, культуре и т. п.

Большая познавательная и научная значимость русских документов по истории Монголии давно общепризнана. Пионерами в их собирании, изучении и публикации, как известно, были историки Сибири XVIII в. Г. Ф. Миллер и И. Е. Фишер [Миллер, 1750; 1937, 1941; Фишер, 1774]. Они положили начало традиции обращения к русским источникам при освещении русско-монгольских отношений и исторических событий на Дальнем Востоке. Их начинания были продолжены многими учеными, работавшими в области истории России, Дальнего Востока, Средней Азии и особенно Сибири и Калмыкии, в частности В. Н. Татищевым [Попов, 1861], Ф. А. Бюллером [Бюллер, 1846], Н. Нефедьевым [Нефедьев, 1834], В. К. Андриевичем [Андриевич, 1889] и др.

Значительные заслуги в публикации отдельных материалов из русских архивов, имеющих прямое отношение к истории Монголии, принадлежат Н. Н. Бантыш-Каменскому [Бантыш-Каменский, 1882], а также Н. Н. Оглоблину [Оглоблин, 1891, 1898], Ф. И. Покровскому [Покровский, 1914], Ю. В. Арсеньеву [Арсеньев, 1882]. Своими работами они во многом расширили число уже опубликованных материалов в таких серийных, частных и официальных изданиях, как «Русская историческая библиотека», «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим», «Полное собрание законов Российской империи», а также в сборнике материалов И. П. Кузнецова «Исторические акты XVII столетия (1633—1699)», в «Сборнике князя Хилкова» и т. п.

Однако все это было лишь началом, только первыми шагами по овладению редкостным богатством русских архивов. Подбор и публикация источников носили во многом случайный характер, их интерпретация велась не с подлинно научных позиций, сборники издавались, как правило, без комментариев и справочного аппарата.

Парадоксально, но факт, что русские монголоведы до революции при всем их огромном вкладе в изучение истории Монголии уделяли совершенно недостаточное внимание русским источникам. Исключение составляет, пожалуй, В. Л. Котвич,

который «отлично понимал всю ценность этих источников, был хорошо знаком с ними и много делал для их популяризации» [Златкин, 1964, с. 19]. Недаром его небольшой по объему, но весьма емкий по содержанию очерк «Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII—XVIII вв.» [Котвич, 1919, 1921], по справедливому определению Н. П. Шастиной, стал «классическим в своей области» [Шастина, 1958, с. 8].

Из зарубежных ученых в этой связи следует отметить прежде всего английского историка Дж. Ф. Бэддли. Его двухтомный труд «Россия, Монголия и Китай» [Baddeley, 1919], охватывающий период с 1602 по 1676 г., до сих пор остается единственной в своем роде монографией в западной историографии, целиком основанной на материалах Архива внешней политики России. Изданная тиражом всего в 250 экземпляров, книга давно стала библиографической редкостью.

Часть материалов о роли монголов в русско-китайских взаимоотношениях в конце XVII — первой половине XVIII в., почерпнутых из московских архивов, использована в работах французского ученого Г. Каэна [Cahen, 1912], американца Ф. А. Голдера [Goldeger, 1914] и др.

Наиболее крупные достижения в изучении, использовании и вводе в научный оборот документов по истории Монголии на русском языке принадлежат, бесспорно, советским исследователям: А. П. Окладникову, Ф. А. Кудрявцеву, С. А. Токареву, П. Т. Хаптаеву, Е. М. Залкиндю, Б. О. Долгих, Н. Н. Козьмину, Л. П. Потапову, Н. В. Устюгову и др. Как отмечается в одноименной «Истории Монгольской Народной Республики», «советские монголоеды на основе многочисленных материалов русских архивов создали обобщающие труды по истории Монголии XVII—XVIII вв.» [История МНР, 1967, с. 31]. К их числу по праву принадлежат труды И. Я. Златкина по новой и новейшей истории МНР [Златкин, 1957] и по истории Джунгарского ханства [Златкин, 1964], Н. П. Шастиной — по истории посольских отношений между Россией и Монголией в XVII в. [Шастина, 1958], Ш. Б. Чимитдоржиева — по русско-монгольским и монголо-среднеазиатским взаимоотношениям в XVII—XVIII вв. [Чимитдоржиев, 1978, 1979].

Институт востоковедения АН СССР осуществляет наиболее полную публикацию русских архивных документов по связям с монголами в XVII в. Вышедшие из печати первые два тома серии «Материалы по истории русско-монгольских отношений», охватывающие периоды с 1607 по 1636 г. и с 1636 по 1654 г. соответственно [Русско-монгольские отношения, 1959, 1974], содержат множество ранее неизвестных документов. Издание получило высокую оценку ученых как в Советском Союзе [Преображенский, 1960], так и за рубежом [Segguys, 1962].

Сделанное, однако, далеко не исчерпывает всего богатства и разнообразия собраний архивных материалов. Часть этого богатства и составляют документы по интересующему нас периоду,

которые готовятся к опубликованию в очередном томе указанной выше серии.

Архивные материалы середины 50-х — 80-х годов XVII столетия по своему составу похожи на документы предшествующих периодов XVII в. Это по-прежнему статейные списки, доезды и расспросные речи русских послов к монгольским ханам и князьям, царские грамоты монгольским владельцам, грамоты и указы царя сибирским воеводам и их отписки в Посольский и Сибирский приказы, сказки служилых людей, по тем или иным делам ездивших в монгольские улусы, и т. п. Но есть и отличия. Так, относительно большую группу составляют хорошо сохранившиеся подлинники писем различных монгольских феодалов к царям и их представителям на местах.

Мы выявили семь подлинников и переводов с писем Алтын-хана Лувсан-гайджи царю Алексею Михайловичу от 1662—1665 гг. (I, стб. 614, л. 75—77; стб. 623, ч. I, л. 74—80; II, 1666, д. № 1, л. 29—36); изложение его писем красноярскому и томскому воеводам от мая и октября 1657 г. (I, стб. 51, л. 51, 128, 131), текст его послания царю Федору Алексеевичу от 1679 г. (I, стб. 709, ч. II, л. 217—218); переводы и фрагменты двух подлинных писем Тушету-хана от 1672 и 1675 гг. (I, стб. 623, л. 431; II, 1673, д. № 1, л. 1—3; II, 1675, д. № 1, л. 12—13); переводы и копии писем в Москву от хошоутского Аблая-гайджи 1661 и 1665 гг. (I, стб. 535, л. 16, 19, 18, 26; II, 1662, д. № 2, л. 8—9), от всеойратских ханов Сэнгэ от 1666 и 1668 гг. и Галдана от 1671—1672 гг. (II, 1667, д. № 1, л. 13—14; I, стб. 623, л. 11, 351—358; I, стб. 623, ч. II, л. 547—549, 517).

Сохранившиеся подлинники представляют большой интерес и как редкие образцы монгольского ойратского письма второй половины XVII в. *тод бичиг*, уже ставшие предметом специального исследования [Шастина, 1958, с. 275—282]. Уникальный характер носит и такой, например, документ, как подлинный текст договора между Российским государством и монгольскими тайшами от 15 января 1689 г. (II, оп. 2, 1689, д. № 10, л. 1—6).

Впервые в документах рассматриваемого периода появляются материалы о связях с одним из самых влиятельных княжеских домов Халхи, Тушету-ханом Чихундорджи (годы правления 1655—1699), и его родным братом, главой ламаистской церкви в стране Лувсан Дамба Джанцаном (1636—1723), вошедшим в историю под именем Ундур Гэгэна. И наконец, совершенно особое место занимают документы, связанные с миссией А. Ф. Головина в 1686—1689 гг. Они содержат важные сведения о халха-ойратских и монголо-китайских взаимоотношениях конца 80-х годов.

Основная масса документов касается посольских связей между Россией и Монголией в середине 50-х — 80-е годы XVII столетия, осуществлявшихся по трем основным каналам: с государством Алтын-ханов, с Тушету-ханом и Джунгарским ханством.

О посольских отношениях с последним Алтын-ханом, Лувсан-тайджи, сохранилось шесть полных статейных списков посольств: томского сына боярского Степана Греченина с 20.IX.1659 по 21.VII.1660 г. (V, стб. 614, л. 12—35; VI, кн. 19, док. 59, л. 125об.—140), томского пятидесятника Степана Боборыкина в 1661 г. (I, стб. 614, л. 41—47; VI, кн. 18, док. 47, л. 93—97), томского сына боярского Петра Лаврова в 1662 г. (I, стб. 1469, л. 6—8), томского казачьего головы Зиновия Литосова в 1663 г. (I, стб. 610, л. 24—27), томского сына боярского Романа Старкова и пятидесятника конных казаков Степана Боборыкина в 1666 г. (II, 1665, д. № 2, л. 3—11) и томского сына боярского Степана Тупальского в 1670 г. (I, стб. 709, ч. II, л. 371—396). Кроме того, имеются два интересных доезда: красноярского пятидесятника конных казаков Романа Кольцова, который в 1657 г. открыл список русских посольств к Лувсан-тайджи (I, стб. 513, л. 39—45), и широко известный доезд Романа Старкова, который вскоре после возвращения от Алтын-хана в 1666 г. был отправлен для осмотра места постройки «городка» по просьбе монгольского хана и приложил к своему отчету карту-чертеж района предполагавшегося строительства на р. Уссе (I, стб. 646, л. 147—148).

Посольские отношения с Тушету-ханом Чихундорджи (Очирой-сайн-ханом — согласно русской документации) и Джебдзун Дамба-хутухтой Ундур Гэгэном представлены изложением отрывков из статейного списка первого официального русского посольства енисейского сына боярского Ивана Перфильева (II, 1675, д. № 1, л. 70—84), подлинником статейного списка посольства селенгинского сына боярского Василия Турсково в 1681 г. (III, оп. 1, д. № 18, л. 1—13), статейным списком переговоров иркутского письменного головы Л. Кислянского с послами Очирой-сайн-хана в Иркутске в 1684 г. (I, стб. 913, ч. II, л. 423—439), доездом иркутского сына боярского О. Перфильева и селенгинского казачьего десятника Д. Уразова от 1684 г. (III, оп. 1, д. № 63, л. 100—122; д. № 60, л. 49—55).

Кроме того, материалы миссии Ф. А. Головина свидетельствуют, что в период с 1687 по 1689 г. от Тушету-хана, Ундур Гэгэна и других халхаских феодалов в Селенгинск, Удинск, Иркутск к «полномочному послу и воеводе» Ф. А. Головину приезжало не менее десяти посольств и в монгольские улусы, в свою очередь, было отправлено шесть русских посланников (IV, оп. 1, д. № 10, л. 1—1261).

Посольские связи с Джунгарским ханством в этот период раскрываются в пяти статейных списках посольств детей боярских З. Литосова в 1664 г. (I, стб. 646, л. 83—94), В. Бубенного в 1665 г. (I, стб. 623, л. 90—97; II, 1665, д. № 1, л. 1—6), П. Кульвинского в 1666 г. (II, 1667, д. № 3, л. 1—32), В. Былина в 1667 г. (I, стб. 623, ч. I, л. 179—194), М. Ржидцкого в 1668 г. (VI, кн. 18, док. 101, л. 176—180 об.) к Сэнгэ и его сподвижнику Чокур-тайджи, в доездах бухарского торгового

человека Сеиткула Аблина от 1671 г. (I, стб. 535, л. 187—192, 199—203) и иркутского сына боярского И. Шестакова от 1689 г. (III, оп. 1, д. № 164, л. 15—27), в расспросных речах монгольского посла Суббуди Ходжа в Посольском приказе (I, стб. 709, ч. I, л. 124—131), в сказке тобольских служилых людей в Сибирском приказе от 18 декабря 1677 г. (I, стб. 623, ч. II, л. 651—653) и в других документах о связях с Галданом. Последние показывают, что только за 1671—1680 гг. из Джунгарии в сибирские города и в Москву было направлено шесть посольств и четыре русских посланника посетили ставку главы Ойратского ханства. Кроме того, имеется довольно большое число документов о посольских связях с хошоутским Аблай-тайджи, а также с Очирту Цэцэн-тайджи, Чокур-убаши и другими влиятельными ойратскими князьями (I, стб. 535, л. 71—72; II, 1662, д. № 2, л. 5—7, 1673, д. № 2, л. 67—68; VI, кн. 8, д. № 140, л. 195об.—197; и др.).

Об интенсивности обмена посольствами нельзя судить только по сохранившимся статейным спискам, доездам и расспросным речам. Большое значение имеют отписки воевод в Сибирский и Посольский приказы, ибо зачастую только в них есть сведения о тех или иных поездках служилых людей в монгольские улусы, излагаются переговоры в приказных избах с монгольскими послами, которые в силу определенных обстоятельств не были отпущены в Москву, и т. п. Так, только в отписке томского воеводы И. В. Бутурлина в Сибирский приказ от июля—августа 1664 г. содержится информация о посольстве к Лувсантайджи И. Петрова и его статейном списке (I, стб. 646, л. 12—14). О приезде послов Галдана в Иркутск в 1683 г. мы узнаем только из записи переговоров с ними в Иркутской приказной избе стольника А. С. Синявина (I, стб. 709, ч. II, л. 537—339).

Особый интерес представляют также многие выписки к докладу царю и боярской думе об отношениях с монголами, составленные в Посольском и Сибирском приказах. Они, как правило, дают суммарное представление о развитии посольских и прочих связей за определенный отрезок времени и содержат ряд сведений, больше нигде не встречающихся. Так, например, вышеупомянутое изложение фрагментов из статейного списка И. Перфильева к Тушету-хану дано только в выписках Посольского приказа (II, 1675, л. № 1, л. 70—84).

В целом русские архивные документы со всей убедительностью свидетельствуют, что в середине 50-х—80-е годы XVII в. между Россией и ханствами Монголии, так же как и в предшествующие периоды этого века, происходил регулярный и оживленный обмен посольствами, основанный на взаимной заинтересованности в постоянных связях и контактах. Русское правительство в основном оставалось верным своей политике невмешательства во внутренние дела Монголии и сохранения мирных, добрососедских отношений с монгольскими владельцами [Гуревич, 1979, с. 35—37; Нарочницкий и др., 1973, с. 16]. Заин-

тересованность в добрососедстве возрастала по мере того, как на центральное место в царской дипломатии в этом регионе в 70—80-е годы выдвигался вопрос урегулирования отношений с цинским Китаем [Мясников, 1980, с. 4].

В свою очередь, монгольские владельцы стремились к союзу и сотрудничеству с Россией во имя укрепления своего положения в междоусобной борьбе, противодействия давлению со стороны маньчжуров и для обеспечения себе доступа на рынки сибирских городов. Немаловажную роль играло стремление монгольских феодалов, теснимых с востока и юга Цинами, утвердить свое право на участие в эксплуатации коренного населения некоторых сопредельных с Монголией областей — так называемых «местных инородцев», принявших русское подданство.

Все это обусловило довольно частый приезд послов от самых различных, даже мелких монгольских князей. До 1689 г. Москва охотно принимала монгольских посланцев, щедро одаривала их, не скупилась на подарки их господам, хотя, конечно, царское правительство предпочитало иметь дело с наиболее влиятельными — «лутчими» тайшами Монголии того времени.

Архивные документы позволяют с достаточной полнотой выявить цели, интересы и позиции сторон в ходе имевших место переговоров, как и их результаты, и, следовательно, дают ключ к правильному освещению исторического прошлого наших народов.

На центральное место в русско-монгольских переговорах в середине 50-х — 70-е годы выдвинулся вопрос об ясаке, т. е. о сборе дани с местного пограничного населения. Немаловажное место по-прежнему занимал вопрос о торговле. В конце указанного периода эти проблемы вошли составной частью в общий вопрос о роли Монголии в налаживании и стабилизации отношений между Россией и Китаем.

Вопрос о так называемой «даче шерти», т. е. добровольном признании монгольскими владельцами формального сюзеренитета России, отошел на задний план. Во-первых, сибирские власти на собственном опыте убедились, что мирным, дипломатическим путем им этого не добиться, а достаточными военными силами они по-прежнему не располагали. Во-вторых, общая обстановка в Восточной Сибири, Забайкалье и Приамурье в связи с экспансией маньчжуров настолько осложнилась, что под угрозу было поставлено само существование русских городов — Нерчинска, Албазина, Селенгинска, Удинска. Главной заботой царского правительства поэтому стало удержание и охрана этих рубежей, обеспечение мира и спокойствия в регионе, достижение договоренности с Цинами.

В таких условиях Москве было не до «шерти», хотя, конечно, это не мешало правительству при случае напомнить Лувсан-тайджи о присяге, данной его отцом — Омбо-Эрдэни в 1634 г., и требовать ее подтверждения [Гольман, Слесарчук, 1965, с. 179], о чем, в частности, свидетельствуют жалованные

грамоты царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича последнему Алтын-хану от 1662, 1677 и 1680 гг. соответственно (II, 1662, д. № 2, л. 55, 59, 60, 56; 1681, д. № 1, л. 2; оп. 2, 1680, д. № 9, л. 1).

В переговорах с Тушету-ханом и ойратскими ханами и князьями в этот период вопрос о «шерти» вообще, как правило, не затрагивался. Зато красной нитью во всех предписаниях Москвы сибирским воеводам и своим послам проходит наказ «с ним ханом и улусными его людьми быть в совете, а войны и задоров чинить им не велели» (II, 1673, д. № 1, л. 7; и др.).

Проводя миролюбивую, добрососедскую политику, Москва вместе с тем твердо и непреклонно отстаивала свои права на вновь освоенные земли, на сбор ясака с подвластного населения — кыштымов. Исстари запутанный и тяжелый вопрос о «ясачных людях» приобрел в этот период особую остроту в связи с подстрекательской политикой цинского двора, внутренними распрями среди монгольских феодалов, неустойчивостью политического положения во всей пограничной зоне из-за места не определенных границ, а иногда и самочинных действий сибирской администрации. Документы дают достоверную картину борьбы за кыштымов не только путем переговоров, но и на поле сражений. Они довольно подробно рисуют историю прихода семитысячного отряда Алтын-хана в земли енисейских киргизов в 1657 г. (I, стб. 513, л. 13—14об.; и др.), вторжения отрядов Сэнгэ в 1665 г. в Барабинскую, Кузнецкую и Красноярскую волости (I, стб. 802, л. 81—82; и др.), претензий Тушешету-хана на «братских», т. е. бурятских, людей, осады его войсками Селенгинска и Удинска в 1684 и повторно в 1688 г. (I, стб. 213, ч. II, л. 398; III, оп. 1, д. № 63, л. 37—40; там же, оп. 1, д. № 135, л. 34—39) и т. д.

Попытки монгольской феодальной знати, теснимой и подстрекаемой Цинами, решить вопрос о кыштымах в свою пользу силой оружия окончились неудачей. Натолкнувшись на решительное сопротивление, она отступила.

Борьба за ясачные волости во многом ослабила позиции монгольских князей, помешала их объединению перед лицом смертельной угрозы со стороны маньчжуров.

Царская дипломатия также не преуспела в стремлении навязать монгольским феодалам полный и безоговорочный отказ от притязаний на участие в эксплуатации инородцев. Документы показывают, что фактически вплоть до 1689 г. вопрос о кыштымах продолжал оставаться открытым и во многих районах существовал режим двоеданства.

Вместе с тем документы неопровержимо доказывают, что широкие массы бурятского, киргизского и других народов, алтырцы, тубинцы, телеуты и другие местные народности в рассматриваемый период добровольно и прочно связали свою историческую судьбу с судьбой русского народа и в пограничных конфликтах того времени, как правило, держали сторону

России (III, оп. 1, д. № 135, л. 36; III, оп. 1, д. № 84, л. 39; оп. 1, д. № 151, л. 19—20; и др.). Даже феодальная верхушка этих народностей предпочитала жить «под высокою государевою рукою», чем под властью Цинов или разрозненных и враждующих между собой монгольских княжеств.

Более того, факты показывают, что в 80-х годах XVII столетия среди части собственно монгольских феодалов, не говоря уже о простом люде, необычайно усилилась тяга к переходу в русское подданство, что этот переход начал принимать массовый характер (I, стб. 514, ч. I, л. 130—132; стб. 1008, л. 59—61; стб. 709, ч. II, л. 293—296, 322, 323; и др.). Материалы о «монгольских выходцах» занимают немалое место в собрании русских архивных документов.

Споры об ясаке в целом не отражались на взаимной заинтересованности в развитии торговых отношений. Судя по документам, торговый обмен был регулярным и довольно широким, особенно с Джунгарским ханством, которое, как справедливо отмечал И. Я. Златкин, без такого обмена «уже не могло существовать и развиваться» [Златкин, 1964, с. 222]. Сохранилась, например, переписка между Тобольской и Верхотурской приказными избами о сборе средств на строительство «калмыцкого двора» в Тобольске, т. е. специальных торговых рядов и складских помещений для торговли с ойратами (V, д. № 128, л. 64—68, 70, 77, 79—80).

Поскольку вопросы торговли неизменно затрагивались почти во всех посольских переговорах, то сведения о торговых отношениях чаще всего встречаются в статейных списках послов и воеводских отписках.

Большой интерес представляют также росписи «подарков» от монгольских князей и ханов и «царского жалованья» монгольским тайшам, ибо как «подарки», так и «жалованье» были своеобразной формой торгового обмена, а их ассортимент представлял собой традиционные предметы купли-продажи. Недаром во главе многих посольств в Россию стояли «бухарцы», опытные купцы — выходцы из Средней Азии.

Знакомство с рядом специальных документов о торговле позволяет установить, что ее условия были льготными (I, стб. 646, л. 40—44; стб. 913, ч. I, л. 131, 134), что ввозимые в Сибирь товары до 1670 г. не облагались никакими пошлинами (III, оп. 1, д. № 63, л. 137—139), что существовало довольно справедливое соотношение цен на предметы торгов: пушнину, лошадей, текстиль, продукты скотоводства и земледелия, лекарственные травы и т. п. (I, стб. 220, л. 293—294). Запрет был наложен на торговлю оружием и ревенем, причем такой строгий, что в нарушение дипломатического этикета Москва часто разрешала воеводам досматривать личный багаж послов для недопущения контрабандной торговли (I, стб. 709, ч. II, л. 326, 328—330; V, д. № 188, л. 64—68).

Царское правительство не только поощряло русско-монголь-

скую торговлю, но и всячески стремилось пробиться на рынки Китая, для чего искало поддержки и помощи влиятельных князей Джунгарии и Халхи (I, стб. 535, л. 260, 262—267). Соответствующими бумагами с просьбами к монгольским владельцам о содействии был снабжен торговый человек Сеиткул Аблин, возглавивший первый торговый караван в Китай в 1668 г. В его доезде подробно рассказывается о помощи транспортом, кормом, провожатыми, оказанной ему по приказу Сэнгэ (I, стб. 535, с. 187—192, 199—203).

16 февраля 1676 г. царь Алексей Михайлович направил специальную грамоту Тушету-хану с просьбой оказывать всяческую поддержку и помощь русским служилым и торговым людям, едущим в Китай (II, 1675, д. № 1, л. 115—123).

Следует отметить, что Тушету-хан и особенно Ундур Гэгэн положительно откликнулись на просьбу Москвы и содействовали проездам в Китай и обратно на Родину русских посланников Н. Спафария в 1675—1678 гг., Н. Венюкова и И. Фаворова в 1686—1687 гг., С. Коровина и И. Кочанова в 1687—1688 гг.

Документы показывают, что московское правительство считалось с влиянием и авторитетом Тушету-хана и главы ламаистской церкви Ундур Гэгэна, придавало большое значение их посредничеству в урегулировании не только торговых, но и политических отношений с Китаем (II, 1686, д. № 1, л. 1; и др.). Так, в 1686 г. к ним было направлено специальное обращение за подписью царей Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича с просьбой о помощи русскому посланнику Ф. А. Головину в его переговорах с китайским императором Шэн-цзу (II, 1687, д. № 1, л. 1).

Вообще, материалы миссии Ф. А. Головина особенно выпукло отражают роль Монголии в ходе Нерчинских переговоров. Эти материалы богаты также сведениями о развитии монголо-ойратского конфликта 1688 г., вторжении Галдана в Халха-Монголию, о перипетиях войны, положении населения, состоянии экономики и т. п. Непосредственные сведения по внутренней истории Монголии можно почерпнуть и в других документах.

Для примера укажем на статейный список посольства А. Кульвинского к Сэнгэ, где подробно описывается история пленения Лувсан-тайджи, его унижительного содержания в ставке ойратского хана и т. п. (II, 1658, д. № 3, л. 155).

Итак, русские архивные документы не только освещают весь комплекс русско-монгольских взаимоотношений, но и в значительной степени характеризуют внешнеполитическое и внутреннее положение Монголии в середине 50-х — 80-е годы XVII столетия. Являясь органической частью документальных собраний по XVII в., хранящихся в архивах СССР, наряду со многими другими ценными источниками по истории Монголии они заслуживают скорейшего и полного ввода в научный оборот.

Список сокращений

ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ААН	— Архив Академии наук СССР
д. №	— дело
док.	— документ
оп.	— опись
стб.	— столбец
ф.	— фонд

Список и код использованных архивных материалов

- I — ЦГАДА, ф. Сибирский приказ...
- II — ЦГАДА, ф. Мунгальские дела
- III — ЦГАДА, ф. Иркутская приказная изба...
- IV — ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем...
- V — ЦГАДА, ф. Верхобурская приказная изба, оп. 2...
- VI — ААН, ф. 21, оп. 4...

- Андриевич, 1889.— *Андриевич В. К.* История Сибири. Ч. 1. СПб., 1889.
- Арсеньев, 1882.— *Арсеньев Ю. В.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.— ЗИРГО по отд. этнографии, 1882, т. 10, вып. 1.
- Бантыш-Каменский, 1882.— *Бантыш-Каменский Н. Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1702 год. Казань, 1882.
- Бюллер, 1846.— *Бюллер Ф. А.* Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы.— Отечественные записки. Т. 47. СПб., 1846.
- Гольман, Слесарчук, 1965.— *Гольман М. И., Слесарчук Г. И.* Русские архивные документы о взаимоотношениях России и Монголии в 30—50-х годах XVII в.— КСИНА. 1965, № 76.
- Горохова, 1980.— *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М., 1980.
- Гуревич, 1979.— *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
- Ермаченко, 1974.— *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
- Златкин, 1957.— *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
- Златкин, 1964.— *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
- Котвич, 1919, 1921.— *Котвич В. П.* Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII—XVIII вв.— ИРАН. 1919, № 12—15; 1921, № 16—18.
- Миллер, 1750.— *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, особенно от покорения его Российской державой, по сии времена. СПб., 1750.
- Миллер, 1937, 1941.— *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937; т. 2, 1941.
- Мясников, 1980.— *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
- Нарочницкий и др., 1973.— *Нарочницкий А. Л., Губер В. А., Сладковский М. И., Бурлингас И. Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1 (С конца XVII в. до 1917 г.) М., 1973.
- Нацагдорж, 1978.— *Нацагдорж.* Монголын феодализмын үндсэн замнал. Улаанбаатар, 1978.
- Нефедьев, 1834.— *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1834.
- Оглоблин, 1891.— *Оглоблин Н. Н.* Сибирские дипломаты XVII в.— Исторический вестник. СПб., 1891.
- Покровский, 1914.— *Покровский Ф. И.* Путешествие в Монголию и Китай си-

- бирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). СПб., 1914.
- Попов, 1861.— *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время. М., 1861.
- Преображенский, 1960.— *Преображенский А. А.* [Рец. на:] Материалы по истории русско-монгольских отношений.— ПВ. 1960, № 1.
- Пүрэвжав, 1978.— *Пүрэвжав С.* Монгол дахь шарын шашны хураангуй түүх. Улаанбаатар, 1978.
- Русско-монгольские отношения, 1959.— Русско-монгольские отношения: 1607—1636. Сборник документов. Сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1959.
- Русско-монгольские отношения, 1974.— Русско-монгольские отношения: 1636—1654.— Сборник документов. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1974.
- Фишер, 1774.— *Фишер И. Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
- Чимитдоржиев, 1978.— *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978.
- Чимитдоржиев, 1979.— *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979.
- Шастина, 1949.— *Шастина Н. П.* Алтынханы Западной Монголии.— СВ. 1949, № 6.
- Шастина, 1958.— *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.
- Шастина, 1958.— *Шастина Н. П.* Письма Лувсантайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в.— Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Baddeley, 1919.— *Baddeley J.* Russia, Mongolia and China. Vol. 1, 2. L., 1919.
- Cahen, 1912.— *Cahen G.* Histoire des Relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730). P., 1912.
- Golder, 1914.— *Golder F. A.* Russian Expansion on the Pacific 1641—1750. An Account of the Earliest and Later Expeditions made by the Russians along of Asia and North America Including some Relaxed Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914.
- Serruys, 1962.— *Serruys H.* Three Mongol Documents from 1635 in the Russian Archives.— Journal of Central Asiatic Studies. 1962, vol. 7, № 1.